

Над священным городом солнца стали собираться тучи впервые за последнюю дюжину дней. Прохожие зеваки, наслаждавшиеся одним из первых дней праздника, глядели на небо с видимым предвкушением. Другое дело ярмарочные лавочники да скоморохи — тем в случае чего спрятаться было нельзя — они и косились на небо с опаской.

Среди разношёрстной толпы на главной площади Гелиограда с удивительной лёгкостью терялась высокая статная фигура женщины в поношенном льняном платье. Рядом с ней — юная спутница пониже ростом и словно прилипшая к своей проводнице.

— Тяжело тебе? — спросила Гасава, с сонным добродушием оглянувшись на Трезору.

— Говорила же, мне безразлично, в какой город мы заехали. — Быстро ответила та.

— Я про сидоры.

— Ах, это... нет, привыкла уж, не тревожьтесь.

Трезора была в этот день обеспокоена чем-то сильнее обычного. Она то и дело воровато вертела головой, пробегая глазами по толпе, словно выискивая кого-то. А, ловя на себе взгляд кого-либо из горожан, либо кривила рожицу, либо с непристойным видом подмигивала да щелкала зубами — лишь бы не пялились.

Гасава на юную душу не давила. Раз та столь упорно скрывала всякие сведения о себе, значит чего-то боялась. А страх допросами не прогонишь, тут один рецепт — терпение и спокойствие. Пусть скрывает себе на здоровье.

Где-то справа раздался оживленный гул голосов и отдельные почитальные возгласы. Гасава обернулась, уже зная, что она увидит. А точнее, кого. Толпу горожан и приезжих чужаков прорезали красные всполохи одежд жрецов Тефлиоса. Праздничные накидки их были украшены маленькими круглыми зеркальцами, навешанными на тонкие ленты так, что при движении священнослужители поднимали за собой целый рой бликов и отблесков. Среди жрецов было больше молодежи, чем уже повидавших жизнь, чего уж говорить о почтенных стариках — те и вовсе из храмов не выходили. Не чета церкви всеведущей Натсиаян, где принято уважать мудрость седин. Во вкусе светлейшего Тефлиоса была более всего горячая молодая кровь.

Лица у блистающих жрецов были гордые да торжественные сверх меры. Лишь один выделялся среди надменных юношей и девиц — божьего помазанника ни с кем не перепутать. Украшений на нем было меньше, чем на остальных, но в них и не было нужды, куда ярче сияла его улыбка. Глаза были полны подлинной радости, пробивающейся даже сквозь пелену отрешённости. Издалека, среди людей одетых попроще, эта компания походила на изысканный лепесток заморского цветка, которые Трезора видела только на страницах учёных книг. От изысков она была далека, и уже через минуту Гасава обнаружила, что девочки рядом нет. Впрочем, та нередко оказывалась одна и в более чреватых ситуациях.

Тучи всё сильнее довлели над площадью Гелиограда. Духота предвещала большой благодатный дождь.

— Гина Гасава?

— Ан Агний, а Вы меня узнали.

Агний отделился от своих сопровождающих и в пару невесомых шагов оказался рядом с Гасавой. Оба выглядели задорными и довольными, словно воссоединившиеся родственники, однако на деле виделись они лишь раз много лет назад, ещё в детские годы Агния.

— Как же я могу забыть невесту Дрома? Вы и сейчас прямо с дороги? Как это прекрасно! — Агний указал кому-то из сопровождающих на сидоры Гасавы. Пока их куда-то уносили, Агний добавил. — Жилья сейчас в Гелиограде совсем не найти, не правда ли? Но для Вас у нас найдётся хорошее место.

— Благодарю. Ваша церковь всегда была необычайно гостеприимна. — Гасава с нежностью смотрела на помазанника Тефлиоса. За десяток с лишним лет он вырос из задорного ребёнка в не менее блистающего юношу. Гасава знала, сколь хрупко бывает благополучие, а Агний, не задетый горестями жизни, в полной мере взрастил свою солнечную натуру.

— Позвольте пригласить Вас на танец в честь этой замечательной встречи!

В небе загрохотало. Агний не видел никаких препятствий ни в возрасте своей спутницы, ни в начавшемся дожде, крупными каплями сталкивавшемся с запыленной притоптанной землёй. И если Гасава, даже будучи вдвое старше Агния, была закалена в странствиях и способна без труда пуститься хоть в плясовую, то музыканты стали с сомнением переглядываться, не зная, следует ли уходить. Однако в более просторный центр площади, отведённый для танцующих, вышел не кто иной, как божий помазанник, ведя под руку даму. Стиснув челюсти, музыканты продолжили свой нелёгкий труд.

Гасава побывала по долгу своей службы во всех городах и в бесчисленном количестве деревень Благословленных земель. Порою задержаться в том или ином месте приходилось на пару недель, тогда Гасава старалась побольше узнать о местных особенностях, верованиях и забавах. В её деле это были знания первой необходимости. Таким образом и разучила матерая странница десятки разных танцев.

Другое дело было вспомнить, что именно танцевали в Гелиограде. Словно не видя её затруднений, Агний легко подхватил Гасаву за талию и увлек её в круг танцующих. На удивление, это сработало. Незамысловатое движение по кругу с парой лихих разворотов тут же вспомнилось Гасаве, и она со сдержанным смехом позволила Агнию вести.

Дождь усиливался. Вскоре в круге осталось всего несколько пар, искренне забавлявшихся сменой погоды.

— Вы, как обычно, прибыли в одиночестве? — Агний любил переговорить без лишних слушателей, потому часто своих собеседников утаскивал куда только придется.

— Не угадали. — Улыбнулась Гасава. — На сей раз со мной моя помощница. Она у меня девчонка неугомонная, но очень удалая. Привела недавно с собой некого мужчину из лесу и давай требовать, чтоб он с нами поехал, представляете? За него ручаться я не могу. На моей памяти он не сделал ничего дурного, но... Что-то в нём есть неладное, думаю, Вы понимаете, что я имею в виду.

— Понимаю, — сказал Агний, затем с бодрым притопом ловко повел Гасаву на новый круг, — однако, Вы приехали сюда засвидетельствовать почтение к нашему празднику? От лица церкви Дрома, верно? В таком случае я Вас настоятельно прошу насладиться празднеством и на время оставить свою

работу по обереганию всех на свете от опасностей. У нас здесь для этого свои люди. — Он кивнул в сторону жрецов Тефлиоса и беззаботно подмигнул.

— Настоятельной просьбе помазанника отказать нельзя. Вы добрый юноша, ан Агний, и Вам выпало доброе время, чтобы быть глашатаем воли бога. Ведь Вы не застали войн, верно?

— Не застал. — В глазах его читалось доброжелательное непонимание.

— И слава богам! Оттого и не видите в каждом странном приезде возможного врага, убийцу или шпиона.

— В каждом приезде?! Светлейший Тефлиос, конечно, нет!

Агний отмахнулся от подобного предположения как от дикой мысли. Гасава же лишь с толикой печали улыбнулась его непосредственности.

Они были невообразимо далеки друг от друга — рождены в разных городах, в поклонениях разным богам. Агний был богат, как князь, Гасава же обходилась подаяниями. Различие в их судьбах было видно невооружённым взглядом: если тело Агния было отмечено единственным мелким шрамом на коленке, полученным в детстве по глупости, то Гасава постоянно следила, чтобы рукава её платья не обнажили запястья с очень давними отметинами от вражеских верёвок.

Но всё то были крошечные земные нюансы, мало интересовавшие их обоих. Большинство богов, решивших когда-то опекать людей, имели своих представителей на земле, с которыми общались напрямую — чтобы подопечные не извратили служение своё. В разных церквях дела с представителями обстояли по-разному и носили они разные имена: у Тефлиоса был один помазанник на поколение, являвшийся фактически господарем на своей земле. Бог ветров и покровитель странников Дром имел несколько десятков человеческих невест и женихов, те аскетами путешествовали по дорогам, оберегая народ и карая жестоких разбойников. Богини плодородия Роя и Афоберия позволяли назначать жрецами исключительно своих представителей, мгновенно становившихся от того знатными людьми. Общавшиеся с небесами проводили дорогие часы в сладких молитвах и порою с жалостью смотрели на людей вокруг себя, не знавших такого счастья.

И теперь, встретившись, Агний с Гасавой блаженно глядели в пустоту, когда взгляд каждого был направлен в глаза партнёра. Им было приятно не столько общество друг друга, сколько знание, что рядом есть человек, который понимает и чувствует жизнь точно так же. С этой стороны ближе Гасава Агний не нашёл бы ни единой души в переполненном приезжими Гелиограде.

Их едва ли интересовало большинство житейских вещей: как ныне их не радовала и не огорчала промокшая одежда, так и в иное время их не задевали и более масштабные людские горести. В своих молитвах и фанатичной экзальтированной преданности небесному покровителю все небесные представители напоминали юродивых. А, быть может, разница между ними и юродивыми заключалась лишь в том, что богов последних никто не признавал.

— Ан Агний, — Гасава вдруг остановилась и подняла голову, глядя куда-то вдаль, — это тоже часть праздника?

Агний обернулся. В сотне саженой в небо поднимался столб чёрного дыма. Народ, оставшийся на площади, двинулся в сторону его источника. К Агнию уже приближались несколько жрецов.

— Нет, — ответил он, рассеянно нахмурившись, — это пожар.

